
УДК 130.3

П.В. Кулина

**ПОСТАПОКАЛИПСИС
В ФИЛЬМАХ ДЖОРДЖА РОМЕРО**
Свободный исследователь, Хасельбах, Германия.

Статья посвящена «королю фильмов о зомби» Джорджу Ромеро и феномену «зомби-апокалипсиса». Анализируется идея «зомби» в современной массовой культуре. Делается вывод, что популярность зомби – это реакция на всеобъемлющее неверие и нигилизм нашего времени.

Ключевые слова: постапокалипсис; зомби-апокалипсис; пандемия; Джордж Ромеро; общество потребления; капитализм.

Поступила: 17.07.2017

Принята к печати: 18.07.2017

P.V. Kulina

Post-apocalyptic in movies by George Romero

The article is devoted to the «king of movies about the zombies» George Romero and a phenomenon of «zombie apocalypse». The idea of «zombie» in modern mass culture is analyzed. The conclusion is drawn that the explanation of popularity of the zombie is a reaction to comprehensive disbelief and nihilism of our time.

Keywords: Post-apocalyptic; zombie apocalypse; pandemic; George Romero; consumer society; capitalism.

Received: 10.03.2017

Accepted: 27.04.2017

Если раньше люди взывали к богу с целью оградить себя от разных реальных и не очень реальных вещей, которые крайне мешали им в повседневной жизни, – от стрел, от тьмы, от вещи приходящей (вещь во тьме – это не что иное, как похоть, одолевающая под покровом ночи), от развратного полуденного искушения (бес полуденный, мнимое время Люцифера, когда Давид искусился

Вирсавией), – то сейчас впору было бы заменить все прошлые страхи на совершенно новые, недоступные пониманию древних семитов. Вместо кошмаров томления плоти – страх ожирения, вместо стрел – кредиты, взятые на айфоны, а вместо полуденного беса – зомби. В нынешнем мирке мы, избалованные увальни, часто любим устраивать истерики на пустом месте, вокруг вопросов, явно не самых насущных. Мы создали массовую культуру, а вместе с ней пришло и коллективное помешательство (ну или наоборот). Коллективное помешательство вокруг вопроса о конце света, да не простом с серой, огнем, блудницей и странными субъектами на лошадях разных мастей, а эсхатологическом конце всего. Концепции пандемии. Угроза роду человеческому в виде заражения всех прямоходящих домохозяек странным вирусом и превращение последних в бездумных и страшных мертвяков без ума и совести.

Сей феномен появился и оформился примерно в середине XX в., но не получил должного развития вплоть до 1968 г., когда, на бодрящей волне охоты на «красных дьяволов» и холодной войны в ее периферийной стадии, выходит фильм Джорджа Ромео «Ночь живых мертвецов», в котором была переосмыслена концепция зомби. Если раньше полусгнивший, вечно голодный труп считался так, безделицей, проявлением злой магии вуду (как в фильме-первооткрывателе «Белый зомби» 1932 года, со всеми прелестями гаитянских Magic Dreams) или человеком, который пошел против большого социума, вроде brutального нордиды из книги Мэтсона «Я – легенда»; то сейчас «классический» восставший из мертвых внезапно превратился в вечно скупаемого голодом полумифического маскульт-кадавра, в одного из крупнейших страхов буржуазного социального конструктора. Практически все фильмы Ромео и его последователей строятся по одному и тому же принципу. Вот вы – разжиревший от спекуляций и безнаказанности менеджер – поживаете с любовницей чаек на террасе, как вдруг в ваш размеренный быт врываются кровожадные мертвецы, жаждущие мяса. Экая критика капитализма. На протяжении долгого времени Ромео не сходил с пьедестала «короля фильмов о зомби». В каждый свой кадр милый седобородый старичок ловко вкладывал немалую толику марксистского учения, намеки на вполне себе определенные политические и социальные проблемы. На беды все разрастающегося потребительства – когда человек человеку волк, а зомби зомби зомби. Посмотрите «Рассвет мертве-

цов» 1978 г. Люди, спасаясь от кусающегося кошмара, запираются не где-нибудь, а в супермаркете, где они могут продолжать спокойно жрать шоколадные батончики, а зомби, более походящие на голодных пролетариев, вынуждены стоять у витрин и рассматривать «белую элиту», завладевшую благами, недоступными обычным работягам. Ромеро превращает свои фильмы в антикапиталистический пафос, шаг за шагом выводя на суд пороки общества кредитной карты и гамбургера. Он превращает своих зомби в маргинальный класс этого мира, в презираемую всеми голытьбу, в совершенную коммуну, сплоченную единой целью кадавро-революции: «Поймай! Сожри! Обрати!» Зомби в фильмах Ромеро предвещают конец земной жизни, бытия, они финал общества победившей звенящей монеты. Никакого гуманизма, никакой мысли. Только щелканье челюстей.

Многие исследователи массовой культуры рассматривают зомби-фильмы как прямую аллегория на сегодняшнюю систему, представители которой частенько прячутся в кабаках, магазинах, на военных базах – опорных точках нынешнего «золотого» миллиарда – от остальных миллиардов. Сам концепт идеи-зомби, зомби-апокалипсиса всегда революционен (даже если зомби появляются на Кубе, где власти объявляют их диссидентами, – фильм «Хуан-истребитель»), и варианты их происхождения не так уж важны. Они могут появиться от безумных идей глав каких-либо корпораций, возомнивших себя богами и создавших некий жуткий вирус. Или спецразработки военных, которые тоже стремятся состряпать всепобеждающее биологическое оружие, солдата «без страха и сомнения». Иногда зомби-семена заносят нам зеленые человечки, но самая, на мой взгляд, важная теория происхождения голодных трупов – это теория о том, что зомби ниоткуда не происходят. Они просто есть. Смиритесь. Они везде. Они пришли из ниоткуда и никуда не уйдут, пока не уничтожат последнего человека. Они – порождение злобной мысли «католическо-протестантского» мира, фастфуд религии, которая посредством идей Гегеля и Руссо похоронила бога во имя золотого тельца. Зомби и страх перед ним – это показатель деградации современного человека, последние дни Кали Юги, где нет места благородству и чести. Где нет будущего. Самое страшное же заключается в том, что сегодня зомби действительно перестают быть метафорой. В 2000 г. в свет выходит книга «Евангелие от живых мертвецов», где все тот же Ромеро

описывает собратьям своим «ад на земле», но с точки зрения науки и техники. Если бы его книга вышла в 90-е, не избежать ему позора, но сейчас все возможно и зомби становятся проблемой, науки в том числе, по крайней мере психиатрии и социологии уж точно. Опять же происходит все большая трансформация зомби-идеи (благодаря тому же Ромеро), когда из жертв холокоста (по словам философа и исследователя современной массовой культуры Жижека) и озлобленного рабоче-крестьянского класса мертвецы превращаются просто в страх. Люди начинают бояться не некой иллюзорной философской идеи, они начинают бояться чего-то реального.

В 2010 г. в одном из самых влиятельных журналов, посвященных внешней политике, «Foreign Policy», вышла статья международного Дэнниэля Дрезнера (по совместительству редактора этого издания), которая называлась «Зомби и теория международных отношений». Повторюсь: это очень серьезный журнал и это влиятельный в широких кругах политолог. И они рассуждают о том, как среди гораздо более насущных проблем человечество выбрало проблему совершенно неестественного характера. Мы ведь все понимаем, что волноваться о зомби всерьез – это неестественно. Каким образом зомби внезапно становятся одним из основных страхов современных обывателей после страха невыплаты кредита или страха потерять абонемент в фитнес-зал? Неужто из-за того, что зомби могут посягнуть на святая святых – на биоцентризм? На наши идеальные тела и образ жизни с банановым смузи, мышечной массой, гигиеной и протеиновыми коктейлями? Живым мертвецам ведь безразлично, какой ты. Ты для них просто вкусный. Опять же, несмотря на то что они вроде как мертвы, они о-го-го как витальны. Витальный-мертвый? Катастрофа для системы. Ведь они уже вне ее юрисдикции, но при этом как живые. Бодрые, прыткие, с умопомрачительной внешне... простите, скоростью и интересами (финальная сцена «Зомби по имени Шон»), когда труп играет в приставку. Что, как не это, лучше всего показывает, что по сути между нами нет разницы. Что, может быть, мы уже сами мертвы, просто не заметили. Интересно также, как Дрезнер в своей статье пытается понять реакцию на внезапное нашествие живых мертвецов со стороны различных политических течений. Так, гоббсовские реалисты будут трястись перед грядущим кризисом, но в то же время надеяться показать себя в войне с армией голодных трупов. Они будут заключать коалиции, подставлять друг друга,

отсиживаться или смело прикрывать грудью амбразуру. Хитрюги консерваторы тут же начнут истребление покойничков, без всякой жалости к слегка подгнившим бабушкам и двоюродным тетям. Но в конце концов подлая натура последователей Бёрка победит и они создадут союз зловещих мертвецов, дабы без лишних проблем сметать с лица земли либералов и прочих неугодных. Кстати о либералах: Дрезднер считает их самым уязвимым звеном в этой воображаемой борьбе. Слишком толерантные, с открытыми границами, без ценностей и идеалов – либералы будут уничтожены первыми, и у человечества не будет шансов спастись.

Для меня же объяснение популярности зомби достаточно просто – это нормальная реакция на всеобъемлющее неверие, нигилизм нашего времени, в котором осталось место лишь бороатым хипстерам и секс-меньшинствам. Так что плевать на тори, демократов, либералов и прочих замшелых извращенцев, мы-то с вами, товарищи, будем болеть за мертвецов – ибо они – как последние революционеры на планете, где человечество, убив бога, выстроило на его костях спа-салоны, – будут теми, кто разрушит институты потребления, оставив победителя природы совершенно обнаженным.